

Виктор Коган-Ясный

**ЗАЧЕМ РОССИИ
НУЖНА
ДЕМОКРАТИЯ?**

РОДП «ЯБЛОКО»
Москва
2011

Новая книга Виктора Валентиновича Когана-Ясного озаглавлена «Зачем России нужна демократия?». А действительно — зачем? Вопрос этот казался бы банальный, однако ответ на него очень мало кому известен. Властями и политиками в последние годы многое сделано для того, чтобы люди об этом и не задумывались. А Виктор Коган-Ясный тщательно, скрупулезно и профессионально, как только ему присуще, исследует такого рода вопросы и взаимосвязи. Прочитав книгу, заинтересованный читатель сможет гораздо лучше понять и даже увидеть, и что такое современная Россия, и что такое современная демократия, и зачем они друг другу. Не сомневаюсь, вы узнаете много нового.

Григорий Явлинский

На обложке помещены фотографии, сделанные в Москве, Рязани, Ярославле (Норский Посад), г. Ростов Ярославской области., г. Рузаевка Республики Мордовия, г. Скопин Рязанской области, г. Таруса Калужской области, г. Темников Республики Мордовия, пос. Дачный Теньгушевского района Республики Мордовия и в окрестностях пос. Епифань Кимовского района Тульской области. Фото автора и Алексея Рязанцева.

Обложка, дизайн, оригинал-макет: Л.А. Аниканова

© РОДП «ЯБЛОКО», 2011

© В.В. Коган-Ясный, 2011

Подписано в печать 25.08.2011 г.

Формат 60x84/8. Печать офсетная. Объем 6,5 п.л.

Отпечатано в ООО «ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ». Москва, ул. 5-я Кабельная, 2б

Заказ № 3819

Содержание

Зачем России нужна демократия? _____	4
Гражданское общество и политика _____	9
В поисках опавших листьев _____	15
А у нас время остановилось _____	22
Тихорецкая _____	26
Небольшие заметки о России в контексте текущего кризиса _____	30
Постсоветский синдром, или о преодолении «Доктрины беспредела» _____	35
Читая Майкла Макфола. Набросок символической рецензии _____	40
Политики должны быть ответственными и емкими в оценках _____	45
Субъективные заметки и наброски 2007–2010 гг. _____	48

ЗАЧЕМ РОССИИ НУЖНА ДЕМОКРАТИЯ?

Т

ак уж повелось, что демократические изменения в нашей стране происходят по большей мере в русле пожеланий западных партнеров нашего руководства. В этом существенная беда подобных преобразований, причина их непоследовательности и поверхностности. Редко, когда наше руководство воспринимало построение открытой демократической системы государственных ценностей как свою важнейшую собственную задачу, которую необходимо решать в жизненных интересах нашей страны. Граждане заинтересованы в демократии, но установить демократическую традицию и создать демократическую идеологию «снизу» невозможно, это может сделать только властная элита. Сейчас, когда уже больше десяти лет не существует классической тоталитарной системы, шанс предоставляется на новом уровне, и только от властей зависит, будет ли он использован или упущен.

Так называемые политтехнологи, которые пытаются искусственно распределить заранее все роли в нашей общественной жизни путем пропагандистского манипулирования массовым сознанием, не правы. В отношении большинства из них это доказывается, как теорема: они не правы, поскольку интеллектуально не честны. Они высказывают, пропагандируют и внедряют в общество те и только те взгляды, за которые получают деньги или придворный комфорт. Среди них есть такие, кто хватается за власть, деньги и влияние как за способ существования. Есть и те, кто просто нанят во власть как на работу.

Однако, думаю, в системе власти есть и люди, которые идеалистично, искренне, не по лакейски, преданы самым циничным идеям в области государственного строительства. Такие, и их много, и их поддерживает очень большой слой нашего общества, искренне считают, что для нашей страны демократия с ее существенными элементами хаотичности проявлений общественной жизни опасна, несет разрушение, и потому вредна и не нужна. По их мнению, само появление у нас демократической модели в последние

пятнадцать лет — это политическая ошибка и историческое недоразумение. А поскольку ресурса переделывать историю, как заблагорассудится, пока еще нет (переписывание учебников — не в счет), то надо терпеть «демократию» как некое историческое недоразумение, не более того. Надо максимально ограничить ее реальные проявления, лишить ее всякого содержания, сделать бутафорской и тем самым взять под полный контроль любое ее влияние на реальную жизнь. Они полагают, что, вводя в ими придуманные узкие рамки свободу информации, слова и политической инициативы, они тем самым берут под большой контроль реальную ситуацию в стране, стабилизируют ее и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе.

Я хотел бы сказать таким людям, что они опасно не правы. Демократическая модель, которую после Второй мировой войны сумела выработать и выстрадать вся остальная Европа, несмотря на все свои глубокие изъяны, обеспечивает людям и государству в целом, в том числе и институтам государственной власти, куда большую стабильность, чем любое авторитарное волюнтаристическое «стабилизаторство». Те страны Европы, где в период после 1945 года демократия и права человека становились реальным приоритетом всей государственной жизни, не знали ни одного случая настоящей войны на своей территории, ни одного примера государственного переворота. И наоборот, всюду, где накопившийся груз проблем пытались решить вооруженные цинизмом узурпаторы, им либо приходилось со временем кардинально отступить, либо их преследовал крах. Такое происходило и происходит даже в бедных странах, пронизанных национализмом и криминалом, с абсолютно не развитой системой мирных гражданских отношений. Более того, тенденция поиска устойчивости через демократические перемены последнее время заметно вышла за пределы Европы и регионов с европейской культурой. Демократию разъедает цинизм и недальновидная практичность общества потребления, что вызывает крайне опасные глобальные последствия. Но другой продуктивной политической философии все равно никто не придумает, и для нас это важно в особенности.

У нас ни последние пятнадцать лет, ни последние десять никакой реальной демократии — не было. Движение в верном направлении намечалось на рубеже 80-х — 90-х, (помните, тогда пытались говорить, что разрешено все то, что не запрещено законом), но шанс был упущен. И дело вовсе не в олигархах, не в коррупции и не в подкупе СМИ. Дело все в том, что в России осталась практически не тронутой сталинская система управления людьми. Эта система была создана такой, чтобы быть прочнее идеологии, экономического уклада, прочнее КПСС, Варшавского договора и самого Советского Союза. И когда сейчас говорят, что мы больше

не делимся на красных и белых, не уходит ощущение, что «объединяющей фигурой» хочет стать призрак Сталина.

У неизменной части нашей системы много аспектов. В организации государственной жизни — это огромный аппарат с неизмеримым числом дублируемых функций, со сложнейшей системой соподчиненности, где характер отношений между должностными лицами «помечается» с виду абсурдными атрибутами, такими, как разноуровневая телефонная связь и разные степени допуска к самым мелочным секретам. Весь этот лабиринт воспитывает в государственных управленцах полное безразличие ко всему на свете, кроме вопросов службы и карьеры. Центральный аппарат (раньше — ЦК, правительство и комитеты Верховного Совета, теперь — администрация Президента, правительство и комитеты Государственной Думы) «клонировается» по всей стране до уровня власти в районе, а то и в селе, и разница только в размере и в степени оснащенности такого аппарата, но не в его структуре и организации его власти. Такая власть оставляет за собой все, от вопросов войны и мира до протекающей штукатурки, она одновременно и стихийное бедствие, и благодетель, она всецела и неизменна в своей обособленности и непредсказуемости. И на любом уровне режим может существовать почти неограниченно долго, но стоит сильно измениться внутренним или внешним условиям — и происходит больше, чем общественное землетрясение. Огромная инерция, но она базируется на таком напряжении, что потенциальная неустойчивость прорвется обязательно. Именно поэтому у нас всегда надо ждать больших потрясений и лично для себя, и для общества в целом. И, во многом, поэтому мы так чужды самостоятельности и ответственности. Мы лишены прежнего «целостного мировоззрения», но, пуце прежнего, инертны и покорны судьбе.

Чтобы не оказаться в историческом тупике, от сталинской системы следует категорически от нее отказаться, порвать с ней преемственность, окончательно признать общегосударственную ответственность за гибель десятков миллионов людей.

Вопреки расхожему мнению, современная цивилизованная демократия лишь в очень узком смысле представляет собой власть большинства. Современная демократия в случае мирного развития общества возникала и возникает только как результат встречного движения граждански активной части общества и властной элиты (или ее части). Революционная масса, уставшая от диктатуры, может «анонсировать» демократию. Переворот в сторону демократии может стать, в том числе, результатом и заговора, и серьезных внешних причин. Но любой катаклизм может послужить лишь толчком, началом трудного, кропотливого и противоречивого процесса, чей успех никакое решительное начало никак не может гарантировать.

Есть вопросы, которые без большинства решить невозможно. Без большинства невозможно выбрать такое высшее начальство, которое, в силу кредита доверия, сможет управлять страной, избегая опасность не прекращающейся общенациональной склоки. Но «прямая демократия», когда самые разные вопросы раз за разом решаются общенародным голосованием, представляет собой явление карикатурное и опасное. (Позволю себе вспомнить не только наши «да-да-нет-да» и белорусскую политическую систему, но и Наполеона III, при котором народ голосовал по всем поводам. Результат был всегда в пользу императора. При этом его самого, когда он перемещался по Парижу, охраняли стрелки, которые перемещались по крышам домов. А Гюго жил в изгнании. Кончилось это все парижской коммуной и прусской оккупацией Парижа.)

Базовый элемент демократии — это защищенность политического меньшинства. Демократия — это когда любое, даже самое арифметически ничтожное меньшинство, обязательно будет услышано и, кроме того, если наберет хотя бы небольшой политический вес, то будет представлено в важнейшей гласной представительной структуре — парламенте. При этом и общество в целом, и те, кто несет на себе ответственность за повседневное высшее руководство, оказываются гораздо более защищены, чем в случае произвола безоговорочной власти большинства или монопольного и безгласного авторитарного правления. Меньшинство, не согласное с теми, кто непосредственно и повседневно управляет в стране, т. е. оппозиция, выступает в качестве советника и конкурента. Высшая власть при этом постоянно получает маленькие болезненные оплеухи, но это гораздо лучше, чем, если ее однажды внезапно отправят в нокаут. Ошибаешься, если можешь предвидеть момент нокаута и защититься. Без законной конкуренции опасность переворота увеличивается. Оппозиция, конечно, может быть недобросовестной и провокационной, как и власть, но стратегически это ничего не меняет: демократия все равно более безопасна, чем авторитаризм и несвобода, и способна обеспечить пусть и относительный, но реальный жизненный прогресс с наименьшими потерями.

Много говорят о том, что отвечать за все в государстве должны профессионалы-управленцы, модным стало выражение «у нас нет такой профессии — хороший человек». Такая жизненная позиция фальшива. Профессионалы-управленцы могут с чем-нибудь справиться, если у них не выхолощено чувство реальности. Поэтому важнейшим элементом управления в любой области является общественный гражданский контроль. Именно гласность не дает должностным структурам лишиться необходимого кругозора и одновременно служит важнейшим оружием против коррупции и про-

извола. Гражданский контроль — это общественность, это очень разные люди «с бору по сосенке», им далеко не все можно доверять. Но если при каждой районной управе будет общественный контроль, то вряд ли можно будет заставлять, скажем, школы покупать компьютеры по резко завышенным ценам или принуждать больницы приобретать некондиционные лекарства, произвольно делить фирмы на «уполномоченные» и все остальные.

Решающий инструмент гражданского контроля — множественные независимые СМИ. В условиях, когда есть один слегка независимый телевизионный канал и одна оппозиционная газета, не приходится говорить о плюрализме, о взаимовлиянии общества и власти, о внедрении свежих обоснованных мнений. Тогда не только власть, но и оппозиция имеет соблазн лишь «симулировать деятельность» и продолжать свое существование без работы над собой и без внутреннего развития. В основе обеспечения множественности СМИ — политическая атмосфера и политические решения. В полной мере это относится к газетам. Но, что касается телевидения и радио, кое-что упирается и в технику. Как можно, даже при желании побороть информационную монополию, если телекоммуникации находятся на уровне 60-х годов? Может быть, имеет смысл разделить по времени каждый федеральный видео- и радиоканал между несколькими собственниками и компаниями.

Демократия в России не может и не должна быть слепой копией традиций Америки или кого-то еще. Никакое тяжеловесное устройство, построенное на имперском, или же бюрократическом видении мира, не направит нас по оптимистичному пути. Наш собственный жизненный интерес — открытое и гуманное общество, где можно ставить и решать проблемы по их существу, и где, кстати, никто не посмеет относить доброту и жалость к числу слабостей. (Кстати, прошедший «Гражданский форум» с очевидностью продемонстрировал, что проблема не в том, как провести мероприятие, а в том, что граждане и власть станут делать дальше.)

Будет ли избран путь, чтобы каждый в меру своей заинтересованности и объективных возможностей становился свободным участником общественного процесса, или же новая бюрократия будет создавать очередной каркас из множества бессмысленных «общественных» ячеек, где каждый должен будет «знать свое место» и куда «по подведомственности» будут распределяться различные проблемы? Этот сегодняшний выбор за властью. И это выбор нашего будущего. Президент обязан проявить инициативы, закрепляющие независимость, самостоятельность общественно-активных граждан и их объединений, где-то «подтолкнуть» нас к самостоятельности, а не пытаться удовлетворить подспудное желание «ходовков» собраться в стайку и излить «главному телу» душу о наболевшем?

Опубликовано в «Новой газете» 22 апреля 2002 г.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА

политика — слово очень многозначное, одновременно и с объективным, и субъективным смыслом, и с общим, и с локальным значением в русском языке. Политика (politics по-английски) — это, к примеру, принятие государственных решений. Тот, кто в этом участвует, участвует в политике.

Но человек может этого и не признавать, говорить: я не политик, я просто общественный деятель, — и будет прав, потому что в узком смысле политика — это провозглашение не только каких-то частных целей, но и самых общих целей, касающихся основ общества, и предполагает систематическую ответственность не только за их декларирование, но и за достижение результата, а значит — предполагает постоянную профессиональную работу (не «между прочим») для систематического принятия решений, и в рамках такой работы профессиональное заключение союзов и коалиций как на уровне всего общества, так и внутри групп, связанных с управлением, предполагает борьбу за власть, определенную интригу (хотя последнее может сильно не нравиться).

Наконец, политика — это (то, что по-английски policy) линия управленческого поведения, чья-угодно линия, например, линия какой-либо государственной власти. Ну, скажем, когда была политическая линия, политика, воля на то, чтобы создать гражданское общество в странах центральной Европы, единая как в руководстве этих стран, так и в западной Европе и в США, эта задача была, при всех оговорках и трудностях, решена достаточно быстро.

В России и по отношению к России со стороны Запада такой политики, такой линии и воли не было.

Наконец, политика — это и наш выбор, когда мы идем (или не идем) голосовать.

Если говорить о гражданской общественной инициативе, то она, конечно же, не то же самое, что политика в том или ином узком смысле. Она более конкретна, локальна по своей сути и поэтому, возможно, шире по охвату людей различного плана и убеждений.

Если власть, исходя из интересов общества в целом, в том числе из своих корпоративных интересов, своей политической линией не преследует, более того, не игнорирует и даже приветствует гражданскую инициативу, то инициативы, соприкасаясь с такой властью, становятся идейно разнообразными, широкими по числу участников, становятся общественно-значимыми и дают начало гражданскому обществу. Гражданская инициатива происходит «снизу», с уровня, как говорят, корней травы, «grassroots». Смысл гражданского общества в том, что много людей по своей собственной инициативе участвуют в гражданских инициативах, понимая, что решение тех или иных проблем зависит непосредственно от их творческих усилий. Гражданское общество направлено на решение проблем, оно созидательно по сути, даже если принимает протестные формы, и ответственная перед обществом (и перед самой собой) власть всегда это осознает.

Гражданское общество означает встречное движение обычных инициативных людей и власти. Ведь важнейшая сфера и ответственность профессиональной политики — это создание атмосферы для продуктивного развития общества. Элементом такой атмосферы является диалог. (Имитация диалога, ритуальные мероприятия, манипулирование, использование с чьей-либо стороны в собственных текущих целях не имеют отношения ни к теме ответственной политики, ни к теме гражданского общества. Также, СМИ лишь вторичны, а не первичны по отношению ко всей обсуждаемой нами теме. Тем более не имеет никакого отношения к нашей теме политико-бюрократический плагиат, преднамеренное перехватывание идей у авторов с целью передачи на реализацию «своим людям» и «затирки» авторов; из этого никогда ничего продуктивного не получается.)

Правильная в технологическом плане инициатива самой власти гражданскую инициативу заменить не может, ответственная властная корпорация и гражданское общество нуждаются друг в друге.

Насколько можно утверждать, что гражданская общественная инициатива находится вне политики? Можно, наверное, при условии, что авторы и участники инициативы со всей тщательностью не высказывают своих предпочтений в плане всего того, что не относится к ней конкретно. Насколько такое возможно — зависит от многих обстоятельств.

В практическом определении, «политика» или «гражданская активность», многое, конечно, субъективно и произвольно, и зависит от того, кто и по каким мотивам дает определение (а это делают не на основе тщательных и всесторонних рассуждений).

Руководитель государства может про себя сказать: я не политик, — в том смысле, что он не хочет быть постоянно вовлечен в

управленческий процесс, не хочет во что-то активно вмешиваться без крайней необходимости, а просто стремится лишь смотреть за тем, чтобы все было честно и в порядке.

Смелые люди, которые в Советском Союзе открыто ставили вопрос о нарушении прав человека и международного права, не хотели признавать себя политиками. Они справедливо утверждали, что не участвуют ни в какой интриге, не стремятся осуществить смену властной корпорации, а просто громко говорят правду. Но власть — и не без резона — придерживалась другой точки зрения. Она считала, что эти люди независимостью своих открытых суждений подрывают сами основы ее существования, и сажала их за это в тюрьмы или изгоняла за пределы страны. Как потом оказалось, в своем историческом чутье властная корпорация была права.

Если репрессивная власть считает, что кто-то «влез» на ее территорию, то этот «кто-то», посредством привлечения к нему пропагандистского внимания, сразу же становится политиком, даже сам того абсолютно не желая, даже опасаясь (по моральным причинам или из самосохранения) приложения к себе категорий политического плана. Но на самом деле политиком в такой ситуации не перестает выступать именно только сама властная корпорация. И термин «политический заключенный» означает не то, что человек лишен свободы за свою политическую деятельность, а только то, что власть расправилась с ним, руководствуясь своими политическими мотивами действий и решений.

Хочу сказать об одном важном для меня различии между гражданской активностью и политической работой. Политик обязан максимально просчитывать все последствия своих шагов, отвечает за это, — тогда как гражданский активист не несет на себе в такой же мере бремени ответственности за последствия своих действий.

Но понятия, конечно же, широки и переходят одно в другое. Бывают попытки их четко разделить, и они приводят к недоразумениям, к проявлениям гражданской безответственности, если исходят от активных граждан и их сообществ, и к историческим провалам, катастрофам, если исходят от властных корпораций, которые только себя считают компетентными в вопросах общественной важности.

Учитывая сегодняшнюю ситуацию в России, наверное, следует специально остановиться на теме, назовем это, «конкордата». Считаю возможным применить этот исторический термин к такой ситуации, когда авторитарная власть, стараясь не во всем вступать в открытый конфликт с инакомыслящей частью общества и вообще с самостоятельными и инициативными людьми, стремится четко очертить, чем можно заниматься по собственной инициативе и (в той или иной мере) помимо власти, а чем — нет. В зависимости

от «мягкости», «либеральности» тоталитарной или авторитарной власти, поле для независимости варьируется, но такая власть всегда считает, что оставляет за собой возможность дать немного свободы и возможность взять ее обратно. Такой характер отношений был присущ, к примеру, отношениям между советским государством и основными религиозными объединениями в СССР после 1945 года (Сталин счел непродуктивным уничтожать людей за сам факт религиозных убеждений и сделал акцент на наблюдении за их лояльностью власти). В тех или иных границах правила и рамки сосуществования монопольной власти и инакомыслящих выработаны в ряде стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, в Китае. Это наблюдается и на части пространства СНГ. Результат для развития стран внешне разный, но даже во внешне «успешных» государствах очевидно ненадежный, требующий серьезных перемен.

Среди прочего, приходит и мысль об эпохе императора Александра III. Этот царь очень заботился об управляемости государства. И его можно понять: страна огромной территории, с очень плохими коммуникациями, населенная очень разнообразными этносами, абсолютное большинство «простого» населения неграмотно, а образованный слой в значительной своей части стоит в резкой оппозиции политическому режиму, вплоть до «поставок» все новых и новых своих представителей не только в ряды идейных революционеров, но и в отряды вооруженных заговорщиков. Исходя из этого, он очень жестоким образом подавлял все, что касалось попыток изменить его систему правления. Но зато в вопросах благоговительности, здравоохранения, просвещения, местного самоуправления, строительства, модернизации промышленности и транспорта — он дал значительную свободу. Образованный класс получил как бы безопасное для царя независимое существование и занятие. И были быстро решены многие важнейшие государственные вопросы: создана система широкодоступного здравоохранения и начального образования, заработали суды присяжных с высокой адвокатской культурой. Империя покрылась сетью железных дорог, которая работает и поныне. Выросли многие университеты и технические училища европейского уровня. В империи и вокруг нее не было войны. Казалось бы, путь к историческому успеху. Но оказалось, что наоборот. Свободомыслие не допускалось до стержня политической системы, и основы линии царя не подлежали обсуждению, и это обстоятельство привело к тому, что на важнейшие правительственные должности, в том числе на военные, подбирались не передовые специалисты, а люди, преданные царю. И вскоре после смерти Александра III Россия из-за некомпетентности такого типа руководителей попала в тяжелейший военный и политический кризис войны с Японией, людских

потерь, утраты военной мощи и территорий, вооруженного социального конфликта.

Вообще, вся политическое сословие, и прежде всего исполнительная власть, ее корпорация, команда, несет ответственность за управление государством и за его управляемость, за контролируемость в том смысле, чтобы какая-либо острая ситуация вдруг не стала развиваться стихийно с опасностью для очень многих людей. Это огромная и не выдуманная ответственность, и всегда следует помнить, что политический лидер, будь то монарх, президент, глава правительства, даже лидер или участник организованной оппозиции парламентского характера, или участник общественного движения с широкими задачами, затрагивающими общенациональные и международные интересы — это не то же самое, что обособленный гражданский активист отдельной идеи. Вопрос, где и когда лежат какие приоритеты, в какой момент забота о текущем управлении является действительно приоритетной, а в какой момент она пагубна, где моральная (и рациональная) граница допустимой приоритетности заботы о текущем управлении перед лицом других важнейших рисков и где граница применимых средств, за которой они не оправдывают даже самую искреннюю и верную «общегосударственную» или иную коллективную цель.

Если власть ставит «управляемость» отдельно и выше интересов граждан, если она считает себя ответственной не за граждан, а лишь за управляемость, она имеет в краткосрочной и среднесрочной перспективе шанс на некоторый успех своей линии, но в долгосрочной перспективе такую власть ожидает крах всей создаваемой ею системы.

Завершение

Чтобы был шанс создать гражданское общество, необходима одна предпосылка: должно быть общество. Должна быть страна индивидуальностей, страна, возможно, индивидуалистов, заботящихся о себе, но способных в каждом другом активно уважать равного себе по человеческой природе, способных на доверие совместно со здравым смыслом, не воспитанных всеми окружающими обстоятельствами и длительной практикой в том духе, что единственный способ выжить — это врать и не верить. У людей и в обществе есть место радости и печали, смеху и слезам, но лицемерная насмешница с выпендренно-трагическим лицом никакого оптимистического будущего не имеет.

С этим большие проблемы не только там, где многие поколения привыкли жить и выживать по авторитарным или тоталитарным правилам. Во многих странах традиционной демократии последнего полувека на месте соединения гражданственности и ответ-

ственной политики оказывается корпоративная система отношений между людьми, вопросы гражданской и политической ответственности решаются технократически, по-менеджерски, основанные на морали стратегические задачи уходят на далекий план.

Возвращаясь к России и к нашим условиям общественного существования, нам не дано инструмента своей волей или своей энергией менять ход истории. Но, как говорит один мой друг, в такой ситуации свободные люди должны не переставать, кто как умеет, расставлять на своем пути флажки, отмечая ту часть дороги, которая остается свободной. В этом шанс, не только не проиграть полностью, но и добиваться победы.

**Из выступления на семинаре Центра Улофа Пальме
в Великом Новгороде 20-21 ноября 2004 г.**

В ПОИСКАХ ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ

Исследование о различии гражданина и клерка, гламура и времени

В

России, где большинство населения воспитано в 50–70-е годы, крайне трудно объяснить разницу между гражданским и корпоративным поведением. Советский Союз создавался как строго корпоративное государство, само гражданство в нем представлялось как знак лояльности начальству и его идеологии, как стартовая позиция к вступлению в КПСС, и кто открыто не принимал такой интерпретации, становился «отщепенцем», диссидентом. (Напомню, гражданства можно было и лишить за резкое отступление от государственного курса.)

Канцелярская Евразия

Тот факт, что этого корпоративного государства не стало в 1989–1991 гг., объяснялся массовым скрытым присутствием в СССР «несоветских» элементов (в данном случае употребление корректного по смыслу слова и термина «элемент» в советском языке случайно совпадают). На уровне массового сознания это были Прибалтика, Армения, часть Молдавии, значительная часть Украины, а в остальных частях СССР, включая Россию, — те люди, которые застали и запомнили реальность до октября 1917-го, внутренне не признали правоту советской власти (по крайней мере, сталинского периода) и с этим свидетельством случайно выжили в годы репрессий и в войну. Или близкое к ним первое послеоктябрьское поколение. А еще — эмиграция первой волны. На рубеже 1980–1990-х люди такого плана были многочисленны и активны. Они молчали или не были слышны длинные советские десятилетия, но когда появилась возможность, громко сказали достаточно правды, чтобы непривлекательная советская государственная ложь не устояла.

Сейчас людей этого поколения и этого плана почти не осталось. Речь не только и не столько о знаменитостях, речь о том, кто бабушки и дедушки. Сегодня они — комсомольцы 1950-х. Сегодняшний средний чиновник не слышал на съездах пусть и во многом фальшивых, но культурно значимых речей действительно выдающихся деятелей «многонациональной советской культуры», выросшей из дореволюционной русской. Сегодняшний чиновник в переносном смысле (а часто и в прямом) воспитан на мелкой советской попсе, на безвкусице и цинизме, который поощряет примитивную субординацию, но даже и ее обесмысливает. Этому чиновнику — и огромной части сегодняшних граждан — невозможно объяснить, в чем разница между гражданами и работниками канцелярии или банка, почему граждане страны имеют право объединяться и протестовать, тогда как те, кто, скажем, добровольно пришел работать за зарплату в «Газпром», внутри компании не имеют на это права. Гражданство для них — это свод дисциплинарных обязанностей. Они повсеместно, случайно или нарочито, путают жанры, не принимая в расчет, что государство — это не фабрика, не учебное заведение и не войсковое соединение, что гражданство — это не служба и что развитие отдельно взятой фабрики и страны в целом достигается очень по-разному.

Сейчас управляют и составляют большинство — советские люди, но поставленные в новые условия. В конце 1980-х — начале 1990-х годов большинство из них поддерживали перемены, но не потому, что видели в свободе и гуманности важнейшую общественную ценность, а потому попросту, что их в поверхностном смысле привлекал пример Запада, где жизнь клевая, где все везде можно купить, и в плане организации для себя этой самой стильной жизни в рамках своих мечтаний эти люди сейчас вполне преуспели.

Гламурные временщики

В плане открытости Россию с СССР не сравнить, Россия — часть мира, и в советском укладе своей психологии она перерабатывает сейчас уже не только и не столько свое собственное наследие, но все то, что происходит в окружающем мире. Мечты «стилевой» оппозиции коммунистической власти сбылись на 250%. В смысле «Рублевка-лайф» (которая к развитию страны имеет мало отношения) в России можно все.

Но без признания европейской демократической цивилизацией, в ее лучших гуманных образцах, главной и единой государственной программы России страна так и останется обществом вымирающих фабрик, дивизий и ночных клубов.

Не такого результата ожидали добросовестные люди в стране и мире от окончания «холодной войны», от стратегической победы, которую на рубеже 1980—1990-х одержала свобода над несвободой.

Эпоха окончания «холодной войны» ознаменовалась на Западе не утверждением рациональной политики, здраво сочетающей идеализм с прагматизмом, а наступлением стихийной и беспорядочной глобализации и одновременной утратой на уровне массового сознания элементарных традиционных христианских ценностей. Это повсеместно ведет к этическому и эстетическому торжеству феномена временщичества (бери от жизни сейчас все, что можешь взять, потому что завтра уже не дадут). Наступает тотальное господство тактического мышления, когда о цели жизни не принято задумываться и тем более говорить. Народы и страны становятся буржуазно-гламурными временщиками. В России и по историческим причинам, и в силу политических обстоятельств сегодняшнего дня такие проявления особенно сильны и, может быть, особенно опасны.

Христианский императив «не думать о завтрашнем дне» в том смысле, чтобы творить добро сегодня, здесь и сейчас, принял очень понятную и во многом оправданную бытовую проекцию — «будем жить одним днем», которая отражает наше ощущение полной беспомощности перед лицом окружающих стихий. Но не жить же вправду одним днем, мы же и на завтра все-таки должны себе заглязничать оставить. И уже полшага до кошунственной трансформации и извращения полной беспомощности в безграничное сластолюбие: сегодня и только сегодня, «одним днем» можно взять то, что «пока дают», а то завтра мое сегодняшнее могут отдать уже кому-то другому, а мне «дадут» уже все ровно наоборот.

В России произошло культивирование временщического сознания сверху донизу. Кто не временщик, кто всерьез думает о перспективах, тот не должен выжить. В этом очень большое отличие от советской эпохи, как в плане ее власти, так и в плане ее диссидентов, интеллигенции и всей молчаливой оппозиции. Тогда пропагандировался именно стратегический план, неверный и преступный, а оппозиционеры философствовали: что ему противопоставить. Советская власть не мыслила себя временщиком. В этом сохранился зародыш ее потенциальной трансформации, который сработал сначала в 1960-е годы, а потом при Горбачеве. Однако не последователи Твардовского, Солженицына или же Сахарова стали способны решающим образом влиять на процессы. Выяснилось, что плану коммунизма оказалось противопоставлено быдлярское бытовое временщичество. Брежневский «квазисредний класс» мелких хозяев, фарцовщиков, поборщиков и взяточников, владельцев мелких кабинетов и уличных «за червонец подвезу» стал численно велик и решающе значим, и как он жил день от дня в семидесятые, так он живет и теперь, только на совершенно новом уровне и в новых поколениях.

В Российской Федерации, по большому счету, никогда не было

верного ощущения политической самоидентичности, которое существовало в других республиках СССР. В России насаждалось сознание ее тождественности Советскому Союзу. На этом сознании совершенно непродуктивно пытаются построить ее постсоветский статус. В итоге — вовсе не укрепление единства России и вовсе не ощущение преемственности по отношению к СССР, с его действительно исключительной полиэтничностью и мультикультуральностью, а местничество, локальное самосознание, отсутствие видения страны в целом, замена такого видения в смысле гражданской ответственности на примитивные субординационные отношения, сформированные в России еще в советское время: село — район — область и выше, когда все подчиняются хозяину в районном центре, в областном центре и в Москве, но при этом село Пантелеево может не иметь почти никакой прямой связи с селом Патрикеево на расстоянии 5 км: дотации раздаются централизованно и за них надо вести общественно-бюрократическое соревнование.

(Не могу не отметить еще одну специфичную, проявляющуюся при самом разном общественном положении, особенность нашего сознания: его дробность. В этом смысле не удивительно, если выдающийся деятель искусства или науки будет на уровне пиара поддерживать очень жестокого лидера или абсолютно безответственную политическую силу: он искренне скажет, что поддерживает не жестокость и безответственность, а практическую заботу об искусстве и науке. По той же причине вполне может быть, что в ответе на вопрос уровня «сколько будет дважды два?» «либеральнейший» деятель культуры или экономический эксперт категорически откредитует тему прав человека, тогда как какой-нибудь честный защитник какого-то очерченного круга прав вдруг станет повторять, как заклинание, что он не политик, не экономист, не знает, за кого голосовать, и не умеет видеть различий между трансляцией миланской оперы и фильмом о жизни хищных зверей.)

В условиях тотального временщичества как образа жизни вся жизнь при любом ее материальном уровне превращается в ежеминутное выживание — или пан, или пропал. Человек любого слоя прежде всего думает об угрозах, опасностях и издержках любого своего поступка, и уже сильно потом — о каких-либо позитивных перспективах, о возможных своих жизненных приобретениях и продвижениях вперед. «Как бы не стало хуже» — это лейтмотив всей жизни, и те, кто такой подход отрицает, выглядят болванами или лицемерами (или нарочно выставляются так пропагандой). Повсеместный конформизм поведения выявляет несомненное сходство с советской эпохой, но часто в совершенно нелепых и трагифарсовых формах.

В такой ситуации владелец крупнейшей перерабатывающей

компания психологически мало отличается от «челнока» с кавказского базара, а горластый певец из подземного перехода — от самой раскрученной поп-звезды. Во всех случаях положение случайно и может быть необратимо и трагично утрачено в любой момент, вне логики каких-либо устойчивых правил. Поэтому совершенно не стоит удивляться, что ни у какого бизнеса нет социальной ответственности, что люди художественного творчества начисто лишаются ответственности гражданской. Поэтому понятно, почему у богача-временщика просто нет альтернативы Куршевеле, замку на Рублевке и т.п., а у известного вокально-танцевального ансамбля тоже просто нет альтернативы исполнению безгранично пошлой композиции в шесть вечера на Первом канале. По сформировавшемуся стандарту бытия отдать лишние деньги в детский дом, в церковь, на реальную общественную организацию или вложить в инновационный бизнес, вместо того чтобы бросить их в Куршевеле, будет не просто рискованно, а очень опасно. Так же как проявить упорство в том, чтобы петь что-то минимально приличное. Так же как чиновнику или политику думать не о роли и кабинете, а о пользе дела и пользе страны. Так же как избирателю, который всю недоволен реальными условиями своей жизни, проголосовать за не поощряемую «сверху» политическую партию. Все подобное оказывается вне стандарта поведения, и тот, кто себе это позволит, подлежит полной маргинализации. Белую ворону подстрелят. Не сегодня, так завтра. Если не подстрелят, то лишат всех возможностей, замаскируют на 100% ее существование. И «ожить» она сможет, только если вдруг на 100% переменятся обстоятельства.

Конечно, в условиях сформированного при советской власти массового сознания поколения, родившегося после Второй мировой войны, поколения в целом плохо образованного, запуганного, привыкшего выполнять команды и при этом умеющего где надо «схватить», кардинально иных тенденций ожидать было трудно. Но огромную меру ответственности за то, что случилось после 1991 года, несут высшие российские власти.

1990-е годы — это годы уродливой угоднической лжи, когда можно было говорить правду. Это время очень быстрого водружения номенклатурной демократии и номенклатурного капитализма — исторически опаснейшего гибрида советской системы управления с западным стилем обывательской жизни. Это время популистской эксплуатации имперских и националистических настроений, воссоздания пошатнувшихся было советских исторических мифов о героях и военачальниках. Это время активной поддержки коррумпированных и диктаторских режимов в бывших советских республиках. Это кровь и привычка к крови: сначала осетино-ингушский конфликт в 1992-м, потом события в Москве в 1993-м, а потом в невиданных после Второй мировой войны масштабах мно-

голетнее и непрекращающееся кровопролитие в Чечне, не говоря уже о том, что было в Таджикистане и на Южном Кавказе при прямом или косвенном участии России. Такая была практическая попытка на развалинах СССР установить либеральную империю, где доминируют сила и российские новоиспеченные «рыночные отношения».

Президент Владимир Путин не вылечил болезнь 90-х, а загнал ее внутрь. Созданная им вертикаль власти решила проблему устойчивости ведомственных и корпоративных кабинетов, но не целостности и развития страны. Вертикаль власти — это, на практике, когда чиновник отвечает за порядок в своем кабинете, за правильные показатели отчетности и за свою лояльность вышестоящему чиновнику, но при этом почти не несет ответственности за реальность на своем участке работы и, возможно даже, почти не имеет на нее влияния.

Создав атмосферу временщичества и одновременно подспудно поддерживая культ тиранов, Россия сформировала особую по сравнению со своими ближайшими соседями политическую повестку дня. И если, например, в Украине сегодняшний день сравнивают с временем Кучмы, то в России, не без некоторых оснований, — со Сталиным и Брежневым.

Извращенные плоды советской цивилизации

И по внутренним, и по внешним причинам Россия остро нуждается в постепенной корректировке тупикового курса. Начать делать это никогда не поздно — пока страна существует. Это будет очень трудный и небыстрый процесс. По внутренним причинам системы у того, кто осмелится начать преобразование, будет меньше права на ошибку, чем было в свое время у Горбачева. Нет прочного государственного механизма, который можно было бы использовать на благо реформ. Между людьми утрачена активная коммуникация и общий язык, и поэтому нет ни одного многочисленного сословия, готового активно действовать на благо реформы «в европейском духе».

Коммуникацию, язык культурного и политического общения, надо фактически создавать заново. И эта задача главная, впереди всех нормотворческих и задач практического управления. Страна — это не экономика, и даже не законы, и тем более не формальные границы. Страна — это люди и атмосфера их сосуществования. Тот руководитель, который будет отдавать себе в этом отчет и не отступится от такого понимания, окажется историческим победителем, несмотря на возможные локальные неудачи и поражения.

Тоталитарная советская система, босяцкая наследница авторитарного самодержавия, пыталась вырастить общественное дерево, которое давало бы плоды, не имея листьев, — без людей и без

человеческой души. Затем, в совершенно новых экономических условиях, эта же самая попытка была продолжена: не нашлось или не хватило иного опыта. Дерево уже адаптировалось, и опавшие листья затаптываются все глубже и глубже в грунт. В нынешней России, в отличие от других стран, уличная толпа совершенно не может быть генератором какого бы то ни было движения в сторону общественной культуры и цивилизации. Но шанс сделать так, чтобы на дереве выросли листья и оно могло со временем вырастить нормальный, не извращенный плод, пока еще остается.

Опубликовано в «Новой газете» 2 марта 2007 г.

А У НАС ВРЕМЯ ОСТАНОВИЛОСЬ

Архангельская область. Бывший гулаговский поселок Ерцево. Наши дни

Р

оссия — страна разноскоростная, где нет ни единого пространства, ни целостного времени. Приехав в какой-нибудь даже не очень удаленный от крупного центра населенный пункт, вы оказываетесь не только в сегодняшнем дне, но и в том времени, в том десятилетии, которое знаменует наиболее активный период существования этого городка, поселка или села в последние, наверное, полвека.

Вы можете оказаться в московских 90-х, если по какому-то стечению обстоятельств в населенном пункте развивается прибыльный бизнес. А можете уехать на «экскурсию» куда-нибудь в 50-е, где элементы образа жизни давно ушедшей поры воспроизводятся сами собой и присутствуют в реальности очень естественным, не нарочитым образом, создавая атмосферу так, как это невозможно сделать ни в одном музее.

Каждый из нас, оказавшись в таком месте, прожив по его нормам и в его ритме хотя бы несколько часов, становится не только зрителем, но и живым экспонатом.

Вообще, наверное, у нас вся страна такая, и мы все так живем, и те, кто к нам попадает... Но отдельные места создают в этом смысле со-

вершено особенное ощущение...

Ерцево — на самом юге Архангельской области, у ее границы с Вологодской, — возникло на магистрали Северной железной дороги в самом конце 30-х годов как ведомственный поселок НКВД. Застроилось после войны, стало центром управления Каргопольлагом, «столицей» лесного лагеря, который объединял в себе десятки зон, разбросанных по огромной непроходимой территории лесов.

Сейчас огромное пространство лагеря заброшено, от всего множества зон осталось две колонии, одна — строгого режима прямо в поселке, другая — колония-поселение в лесу, километрах в двадцати от поселка. Осталось функционирующее лагерное управление, осталась — от всей системы лагерных железных дорог и других всевозможных коммуникаций, которые построили заключенные и по которым возили людей и лес, — лагерная железная дорога между поселком и «дальней» колонией.

По этой линии ходит «дэмка» (наверное, это от «дрезина электромеханическая»), вагончик, который везет через поле и лес два раза в день осужденных и всех, кому надо в колонию или из колонии. Если что случилось в пути — водитель и охрана металлическими прутьями поминают — поднимают — сдвигают рельс, потом раз за разом заводят вагон, пока не поедет. Другая дорога — на лесовозе через топь. Осталась станция, где нередко ждет поезда конвойный взвод с овчаркой и где вам выпишут билет на бланке образца 1965 года. Остался сам поселок, больше 4 тысяч жителей.

Почти семьдесят лет он был ведомственным (НКВД-МВД),

затем, буквально только что, стал муниципальным образованием. Живут вместе потомки тех, кто строил, кто сидел и кто охранял. Очень много тех, кто вышел на пенсию из системы и кому, в отличие от молодежи, абсолютно некуда уехать. Огромный процент жителей разных возрастов с высшим юридическим образованием. Сейчас они не могут себя защи-

тить, не могут доказать свое право собственности на прежнее ведомственное жилье. Зато очень много читают — поселковая библиотека все время наполнена людьми и представляет собой очень своеобразный, самостоятельного духа культурный центр.

Совершенно особое, хотя и обращающее на себя мало чье внимание, достояние ерцевской библиотеки — это книги-переселенцы. У них была судьба заключенных и ссыльных — везде за людьми. Когда только создали самый первый лагерь на Соловках, то решили, что и охране, и заключенным следует хоть что-то читать, и отправили им из лучших ленинградских библиотечных фондов то, что было ненужным балластом для новой эпохи, — многочис-

вслед за заключенными. Когда лагеря пошли вширь и на Соловках все это стало уже не нужно, то книги пошли вслед за потоками людей, вслед за заключенными, вольнонаемными и охраной. Попали они и в Ерцево, а сейчас осели в библиотеке и доступны каждому. На титульных листах — штампы, как в паспорте: «Дума царской

ленные дореволюционные издания. Потом, заключенные на Соловках не просто жили и работали, они вели хозяйство, обслуживали себя и охрану при помощи специально созданной инфраструктуры. Для такой деятельности были необходимы справочные источники, и они туда поступали тоже из «старого мира»,

России» или «Императорский университет»; «Соловки»; несколько лагерных центров; наконец, «Ерцевская поселковая библиотека».

Политическая жизнь в поселке ввиду необычного состава его населения довольно активная и лишена стандартного в этом плане цинизма. Выборы главы поселковой администрации — действительно выборы, выбранный глава у всех

на виду, а домик, где помещается администрация, благоустроен ничуть не лучше обычного старого домика в поселке...

Когда Ерцево построили, там, конечно же, не было церкви. Деревянную церковь построили в 1994 году, а сейчас она сгорела. Ее восстановят. Но надолго ли — никто не знает, потому что никто не знает, что будет уже через несколько лет с большим поселком и его особыми «градообразующими предприятиями».

Безымянные могильники, братские захоронения сгинувших там навсегда останутся разбросаны по необъятной территории.

Фото Петра Петрова и автора.

Опубликовано в «Новой газете» 8 августа 2007 г.

ТИХОРЕЦКАЯ

есню, которую называли «Тихорецкая застава» я впервые услышал в очень хриплой записи Высоцкого. Нельзя было разобрать почти ни одного слова, но в воображение врезалась необъяснимая эмоциональная насыщенность и адекватность правде жизни, которую нес в себе этот странный городской романс в сочетании серьезной и «заряженной» интонации Высоцкого, трогательной и «заряженной» музыки и совершенно невнятных слов.

Много позже услышал эту песню Микаэла Таривердиева на слова Михаила Лювовского в «Иронии судьбы», стал разбирать слова, что-то искать на эту тему. Оказалось, что никакой заставы в песне нет, есть только состав поезда, который откуда-то, из Краснодара ли, или из какого-то другого места, едет на станцию Тихорецкая, и есть история старшеклассницы из пьесы Лвовского «Друг детства», которую он написал году где-то в 1963-м и которая почти нигде не шла и осталась забытой. Песня вся не линейная, сюжет в ней есть, но он отслеживается с трудом и остается заслоненным как бы набором фрагментарных картинок, которые каждый видит по-своему, а равнодушным никого не оставит. На-

верное, поэтому получилось и нелогичное название, у самих ли авторов, или же потом среди исполнителей и слушателей, но на это, ввиду особенностей контекста, похоже, никто не стал обращать внимания.

Станция Тихорецкая — это железнодорожный узел в Краснодарском крае, его открыли в 1875 году возле одноименной станицы на

реке Тихонькой. Работать на обслуживании станции съезжались люди из разных мест (а кондуктором на дороге успел поработать Зощенко), и в ее подчинении сформировался новый населенный пункт хутор Тихорецкий. В первые годы советской власти хутор был преобразован в город Тихорецк, сначала Кубано-Черноморской, потом Северо-Кавказского края, а ныне — Краснодарского края. Там конгломерат самой разной индустрии, — транспортной, энергетической. Можно догадываться, сколь ожесточенной там была ситуация во время гражданской войны, при коллективизации и индустриализации и в Великую отечественную.

Несколько раз раньше мне пришлось проезжать это символичное место с красивым названием почти рядом, по дороге к моему другу Диме Лахину, солдату, которого тяжело ранили в Чечне в самом начале его срочной службы и который жил в гораздо более далекой станции Дмитриевской у границы Краснодарского и Ставропольского краев. Я ездил к нему из Москвы в Ростов, а из Ростова на машине с друзьями, туда и обратно. Остановившись было некогда, на скорости мигом проскакивали зовущий куда-то в историю и литературу щит-указатель «река Тихонькая». Доехать до станции, о которой мы слышим от Высоцкого, от Аллы Пугачевой в «Иронии судьбы» и — совершенно бесподобно — от Надежды Лукашевич из трио «Меридиан», не удавалось.

Димы Лахина не стало в 2005 году. Я очень долго обещал его родным приехать на могилу. Месяц на-

зад получилось. И на пути из его станции в Ростов получилось, неожиданно, без особого упорства с моей стороны и без суеты, заехать в Тихорецк. Город и вокзал, чей перрон остался стоять вместе с судьбой, когда лет пятьдесят назад то ли туда, то ли оттуда тронулся вагончик, оказались в моем карманном «Олимпусе». Не без проблем: отряд дорожной милиции возле запертого старого вокзального здания вдруг активно поинтересовался, есть ли у меня разрешение фотографировать вокзал и сказал мне, что этого делать нельзя, так как это стратегический объект. Я много фотографирую железные дороги в самых разных местах, но такой разговор случился у меня впервые. Пока — без последствий, и для меня, и для фотографий.

А потом по дороге в Ростов я видел огромное и быстрое строительство, такое, которого последние годы нигде, кроме Москвы не приходилось встречать. Строится «европейская» автодорога к сочинским Олимпийс-

ким играм. Несметное множество техники, очень много людей, быстрота, расширение от двух рядов до четырех-шести, развязки через каждые километров десять. А рядом, увы, все совсем другое. Но это уже совсем отдельная тема. Во всяком случае, фотографию «сочистроя» тоже прилагаю на память.

И еще, напоследок, смотрите указатель на ЛПУМГ — линейное

производственное управление магистральным газопроводом — примерно там, где раньше была «слава КПСС». А вождь мирового пролетариата как стоял на вокзальной площади, так, конечно же, и остался стоять.

Фото автора.

Опубликовано в «Новой газете» и (в расширенном виде) на сайте РОДП «ЯБЛОКО» в августе — сентябре 2009 г.

НЕБОЛЬШИЕ ЗАМЕТКИ О РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕКУЩЕГО КРИЗИСА

Экономика и финансы России таким своеобразным способом интегрированы в мировые процессы, что все негативное, что может случиться в мире, обязательно в полной мере отразится на России и ее гражданах, однако смена негативных мировых процессов на позитивные вовсе не обязательно будет означать позитивные изменения в России.

В российском экспорте, как известно, ключевую роль играет сырье и металлопродукты, а импорт касается всей всей сферы товаров розничной торговли, включая продукты питания, лекарства, транспортные средства, электронику, мебель и строительные материалы.

Прибыльный экспорт до мирового спада обеспечивал очень высокие доходы государства и крупнейших компаний, значительные обороты денежной массы, а также высокую занятость на достаточно высокооплачиваемой офисной и технической работе, будь то государственные органы, крупные компании, банки, или же торговые сети. Доходы значительной части населения, позволяли поддерживать высокий спрос на недвижимость, товары и услуги.

Восстановление прибылей, доходов и потребительского спроса, образа жизни «общества потребления» является, возможно, одним из условий преодоления глобального спада, когда на смену неудержной подчас расточительности еще очень недавнего времени пришла исключительная осторожность в тратах и затратах.

России с ее структурой общества и экономики это коснется в особенной мере, т.к. российское потребление носило особый, во многом случайный и хаотический характер, очень во многом было пассивным и экстенсивным по своему духу, не направленным на индивидуальное или общественное развитие.

Особенность постсоветской России состоит в том, что в ней

фактически нет общества в европейском понимании этого слова. В этом контексте, а также учитывая крайне дисбалансированный характер экономики, «рваную» инфраструктуру, коррупцию, исключительную и буквальную роль силы и денегнасаждаемую милитаризированность сознания, некоторые публицисты весьма элегантно говорят об «африканской душе» современной России.

Это — кризисное, деформированное состояние общества и экономики постоянно, без всякого мирового кризиса. Состояние подчас настолько нерациональное с точки зрения самых банальных представлений о развитии страны, что можно иногда предположить, что такая особая модель управления, призванная за счет деформированности, дисбалансов, низкого уровня запросов большинства населения и частичной самоизоляции обеспечивать устойчивость. Такой постоянный «местный кризис» ради специфичной местной устойчивости, своеобразный и фрагментарный уход от мировых процессов, консервационная стабильность. От многих проблем удастся по крайней мере внешне уйти посредством отказа от интенсивного цивилизационного развития и некоторой самоизоляции. Важнейший элемент такой «стабилизационной стагнации» — что — почти что принципиально — проблемы не решаются по существу, а лишь обозначаются на словах и посредством пропагандистских приемов поворачиваются то одним, то другим ракурсом, от чего власть имеет возможность выглядеть достаточно убедительной, не рискуя ошибками, неизбежными при любой активной деятельности.

Но что с этим происходит, когда на такие внутренние факторы наслаиваются не просто какие-то глобальные проблемы, порожденные цивилизацией, но полномасштабный мировой кризис? Сохранится ли эта внутренняя устойчивость, которая уже многие годы не нарушается, вопреки тем или иным кажущимся рациональными прогнозам?

На эти вопросы, конечно же, нет даже приблизительно точного ответа уже хотя бы потому, что никто не знает, как будет развиваться мировой кризис. В случае необратимого изменения всей мировой парадигмы ситуацию в России, как и повсюду, будут определять доминирующим образом уже вовсе не «местные» факторы. Но что будет, если мировой кризис не зайдет очень глубоко, мировая экономика и политика не дойдут до крайней черты?

Я полагаю, что, если в США, Европейском Союзе и развитой части Азии начнется восстановление и возобновятся процессы развития (со всеми их плюсами и минусами, со всеми возможными новыми проблемами), то российская модель полуинтеграции — полуизоляции и полумодернизации — полустагнации уже не работает и стабильность в предшествовавшем нынешнему моменту духе удерживать уже не удастся. Проблемы России, ранее пара-

доксальным образом способствовали ее консервации и консервационной стабильности, станут разрушительными, критическими для существования страны. Для сохранения и элементарного развития страны будут нужны новые подходы, предполагающие не консервацию, а развитие.

Важнейшая государственная задача, которую на фоне общего спада придется решать не на словах, а по существу — сохранение целостности России. Построение «вертикали власти», как и другие меры «подмораживания», перестают решать проблему, как только ситуация серьезно затрудняется. В России и так был очень низкий уровень внутренней миграции населения, очень слабый обмен между регионами в сферах образования, медицинской помощи, малого и среднего бизнеса, культуры. Сейчас реально беднеющее население все в большей степени будет становиться «домоседом». Этому способствует очень низкий уровень транспортной инфраструктуры.

Есть большой риск, что в стране все больше будет укрепляться ментальность малых территорий, на которых из-за падающего уровня всеобщего базового образования и одновременно малой доступности общенационального культурного достояния будут укрепляться сугубо местные традиции, формироваться «креольские» диалекты. Отношение между Москвой и удаленными от нее регионами по своему духу могут все больше и больше приобретать оттенки, присущие бюрократической империи, как это когда-то происходило в СССР.

Топорные механические шаги, создающие лишь видимость решения, могут оказаться совершенно бесполезны, а то и прямо вредны. Тем более будет безнадежно и опасно искать «сплочения» путем поиска внешних или внутренних врагов. Необходима кропотливая работа, которая бы включала в себя, безусловно, сферу непосредственного управления страной, но в не меньшей степени действия по созданию работающей унифицированной как по нормам, так и по практике правовой системы европейского образца, а также максимально интенсивное (в рамках возможного и без «маниакальных» импульсов) развитие инфраструктуры европейского типа. Проживание вне крупных промышленных центров или самых успешных сельских хозяйств должно перестать быть равносильно мучительному доживанию жизни почти что с молодости. Необходима активная и жесткая борьба со всеми формами ксенофобии, включая скрытые формы, например, дискриминацию выходцев из других регионов России.

Европейский Союз мог бы поделиться позитивной частью своего опыта. Усиление России как мирной, современной, отвечающей лучшим европейским стандартам страны, недопущение тенденций саморазрушающейся империи — это общеевропейская задача, одних внутренних ресурсов российского общества для этого не хва-

тит, даже если в стране появится адекватная политическая воля. Именно на этом поле, я полагаю, должно строиться политическое взаимодействие ЕС и России и в стратегической, и в тактической перспективе. И для этого должны разрабатываться прозрачные, проверяемые договорные механизмы.

Отдельный, хотя, конечно, близко стоящий вопрос — что ждет СНГ?

Если говорить о самом СНГ, то там, как всегда, будет пульсация, постоянный противоход «москвоцентричных» тенденций в одних ситуациях и по одним вопросам и разбегания в разные стороны в других ситуациях. В этом будет мало стратегии, это будет просто отражением текущих процессов в разных постсоветских странах, конкретных интересов их граждан и их руководящих кругов. Поскольку во всех без исключения постсоветских странах граждане воспитаны в сходных условиях и имеют, несмотря на все различия, во многом сходную традицию реагирования на обстоятельства жизни, кризисные процессы в них, несмотря на всю возможную огромную внешнюю разницу, будут во многом сходны. Это будут процессы регионализации и распада, которые, хочется верить, не дойдут до внешних, политически ощутимых проявлений.

И, что касается ЕС и США, то им, на мой взгляд, надо осознать одну важнейшую для осмысленной политики реалию: что постсоветское пространство существует на самом деле, а не просто выдумано кремлевскими неоимпериалистами.

Да, это не то, о чем говорят по российским телеканалам, но это существует, — в традициях, в человеческих связях, наконец, в реальной, которую невозможно отменить, политической, экономической и военной роли России. Кто внимательно изучает бывший СССР, тот знает, что даже антироссийские истерики — это нередко дань воспитанному в СССР ритуалу и в чуть изменяющихся условиях легко трансформируются в «объятия с Кремлем».

Собственно политика ЕС и США в отношении восточных европейских и «евразийских» соседей сводилась в последние годы в основном к области заклинаний «Лукашенко — последний диктатор Европы» или «не дадим России создавать свою сферу влияния». Все остальное — за исключением отдельно взятых событий типа украинского Майдана или белорусских президентских выборов — было техническим сотрудничеством по очень важным, но не политическим темам: конкретные вопросы безопасности и торговли. Стратегические цели не ставились. И политический результат плачевный.

Если текущий кризис уже совсем и очень надолго не отобьет у западных лидеров способность к стратегической политике, то им непременно следует в первую очередь решить для самих себя вопрос, какими они хотели бы видеть Россию и ее ближайшее истори-

ческое окружение. Россия никоого не вправе шантажировать, никому не имеет права выкручивать руки. Но, я думаю, вопросы развития стран СНГ в первую очередь надо пытаться решать в сотрудничестве с Россией, безусловно стремиться к тому, чтобы ничто на постсоветском пространстве не становилось для России сюрпризом. Противоречия возможны и, может быть, неизбежны, но ими категорически не следует бравировать. Необходимо в первую очередь делать все, чтобы избежать противоречия, а тем более конфликта.

И здесь мы подходим к важнейшему, на мой взгляд, вопросу: западные страны должны сами для себя решить, каким они хотят видеть постсоветское пространство и какой они хотят видеть Россию. У всех стран бывшего СССР должна быть европейская перспектива. Для США и ЕС принципиально, может быть, жизненно важно добиться того, чтобы Россия и все страны СНГ были не просто «соседями» и «партнерами», но близкими союзниками, а для этого необходимо добиваться, чтобы были провозглашены и реализовывались общие ценности, такие как права личности, верховенство закона, неприкосновенность собственности, разработан базовый механизм общего принятия решений. Политика самого Запада должна существенно изменить свое качество. Вести с Россией и другими похожими странами политику, рассчитанную просто на достижение статус-кво, ошибочно и опасно.

Формальное и чисто тактическое «партнерство» с Россией на любом историческом повороте чревато серьезными и непредсказуемыми проблемами. Исторически надежным может быть только стратегический союз, — как бы невероятно трудно ни было его создать.

**Опубликовано в интернет-издании «Русский вопрос»
(Прага) и на сайте РОДП «ЯБЛОКО»
в январе — марте 2009 г.**

ПОСТСОВЕТСКИЙ СИНДРОМ, ИЛИ О ПРЕОДОЛЕНИИ «ДОКТРИНЫ БЕСПРЕДЕЛА»

Заметки, собранные
в конце 2008 – начале 2009 гг.

Последовательное отражение постсоветского феномена в конце первого десятилетия XXI-го века потребовало бы очень много сил и места. Поэтому то, что я хочу высказать именно сейчас, будет схематичным и во многом односторонним.

Конфликт России и Грузии, одновременно с намерением Грузии и Украины вступить в НАТО заставил многих в мире говорить, что постсоветского пространства больше нет. Но более внимательный взгляд позволяет сделать во многом противоположный вывод. Политическое пространство — это стиль жизни и образ мышления не в меньшей мере, чем геополитика, границы и маршруты трубопроводов. Оно не рвется даже военным противостоянием.

Обычно, когда говорят об общности, имеют в виду позитивные стороны, например, общее развитие экономики, равенство в доступе к здравоохранению и образованию и т.п. Но негативные особенности и традиции тоже формируют своеобразную и существенную общность, которой неправильно пренебрегать и которую следовало бы пытаться преобразовать в возможный общий позитив.

На постсоветском пространстве СНГ и Балтии повсюду в той или иной мере в обществах наблюдается склонность к популизму, недостаток политической культуры, политическая недалекость.

Почти во всех государствах на территории бывшего СССР, несмотря на их ту или иную внешнеполитическую ориентацию, с очевидностью наблюдается пренебрежение принципами открытости

Тамбов, 2008 г.
Угол улиц Оружейной
и Мира. И подобных
примеров, кажется,
несчетно.

общества, гражданская свобода не принимается органично и не воспринимается как естественное и необходимое средство развития. Демократические процедуры слишком часто понимаются как средство решения корпоративных, а не общественных проблем. Коррупция является одной из неписанных норм жизни общества. Коррупционная и адми-

нистративная зависимость судебной системы блокирует ее роль правосудия и средства разрешения конфликтов. По той же причине малоэффективны, лишены авторитета правоохранительные органы. Армия традиционно используется не по назначению и вне рамок во-

енного права. Авантюризм и провокации являются существенным фактором политики, вместо того, чтобы немедленно гаситься общей политической волей.

Современные европейские традиции были выработаны с огромным трудом после Второй мировой войны. Но в нынешних условиях, увы, вовсе не удивительно полностью выходящие за их рамки односторонние действия с отказом от легитимизации не только мировым сообществом, но даже хотя бы несколькими партнерами. Такие действия сопровождаются как массовыми и необратимыми нарушениями прав людей, так и очень опасными угрозами глобального характера.

Как гражданина России меня особенно беспокоит то, какую политику ведет наша страна. Самоизоляция, милитаризм и шовинизм даже в «смягченной» форме и даже если все это спровоцировано поведением и логикой других для нас абсолютно неприемлемы. Если Россия говорит Западу «вы нам показали бузину там-то, так мы вам такого «дядьку» сейчас выставим в другом месте, то это — опасный и разрушительный путь, безответственный в плане будущего страны. И победа, и поражение такого курса будут иметь разрушительные последствия.

Я думаю, надо ставить вопрос о том, чтобы объединить усилия всех, кто понимает опасность такой ситуации в движение за хоть

сколь-нибудь справедливый и надежный мир и права людей. Возможно, следует создать независимый центр правового и политического анализа и прогноза по постсоветскому региону, который способствовал бы предотвращению развития необратимых конфликтных ситуаций

Бывший СССР — территория крайностей, здесь берут пример со всего плохого, что происходит в остальном мире, и реализуют с особым уродством, пародируя и передразнивая. (Когда, при желании, можно было бы и показать пример здравого смысла и благородства.) Отсутствие всякой традиции обратной связи общества и власти, гражданской ответственности, приводят к неразрешимости нравственных и всех других общественных проблем. Слово «доверие» здесь существует лишь как предмет насмешек и передразнивания. Здесь процветает особый цинизм и постсталинское отношение к людям. Здесь телевидение понимается не столько как средство отражения реальности, сколько как способ ее «формирования». Здесь повсеместно агрессивность и примитивизация привычно воспринимаются как средство достижения успеха, будь то бизнес, внутренняя или внешняя политика.

Здесь и на массовом уровне, и особенно среди общественных лидеров стала нормой крайняя противоречивость высказываний и поведения. Это редко кого удивляет, редко побуждает задуматься о том, что в этом что-то не так. Такой стандарт поведения служит тому, чтобы вновь и вновь приучать к тому, что «жизнь надо принимать такой, как она есть» и что пытаться серьезно противостоять традициям беспредела — дело непродуктивное, опасное, а также и комичное.

Политические речи многих постсоветских лидеров в их непосредственности малопонятны даже весьма циничным представителям западного истеблишмента. Там не понимают, что политики и чиновники могут осуществлять свою работу так, как поют под фонограмму подуставшие от жизни гламурные исполнители.

Несмотря на всю разницу в общественном устройстве постсоветских стран и независимо от того, какой геополитический выбор сделали их элиты, названные особенности в той или иной степени остаются общими для всех этих государств, будь то страны Балтии, или Украина, или регион Закавказья, или Россия, или даже Центральная Азия. В этом — парадоксальное психологическое «единство» постсоветского региона, «доказательство» того, что постсоветское пространство существует и будет существовать по крайней мере как общность стили. И здесь я вижу мотивацию, почему значительный ряд проблем всего бывшего СССР следует решать совместно и почему внешний мир не должен отрицать существование постсоветского пространства, но должен стремиться лучше понять этот феномен.

Важно понимать роль и ответственность России. Несмотря на то, что сформированы весьма разные и конфликтные между собой

геополитические векторы, стилистическая роль России и Кремля никуда не делась из психологии и остается очень существенной.

Именно «армии» кремлевского чиновничества задают тон и стиль вранья, абсолютно произвольного и непоследовательного толкования событий как прошедших, так и непосредственно сегодняшних, и за счет этого думают поддержать внутреннюю стабильность и мировое «вставание с колен». Это политика и политическая философия, которую можно назвать «доктриной беспредела». Потому что это не просто ложь, не просто ковбойство и экспансия, но это на уровне идеи культ отсутствия всякой последовательности и всяких правил. Интересы государства приравниваются к интересам чиновников. С сильным оппонентом «бодаются» посредством дачи пинка кому-то третьему, который, прав он или не прав, но заведомо слабее. Всех надо приучить, что нас нужно и можно воспринимать такими и только такими, и тогда мы себя и свое отстоим, — вот так видится смысл этой опасной и своеобразной постсоветской идеологии, которая коренится в худших ракурсах советской истории и советского менталитета. Если ее не остановить, она принесет новые огромные беды прежде всего самой России, но, очень возможно, и окружающему миру. Преодолеть политику и философию беспредела — важнейшая общечеловеческая задача, которая касается всех.

Отношение к возможным конфликтам на постсоветском пространстве бывает связано как бы с воспитанным чувством долга: так надо, такая наша роль. В детстве нас приучали играть в «зарницу» — уходить в лес и стрелять из игрушечного пистолета в школьников из параллельного класса. Почему бы зарнице не быть для взрослых и с настоящим оружием, если «учителя» велели? Когда надо — начали, когда надо — закончили. И не столь уж существенна, а то и вовсе не обязательны сколь-нибудь очевидные и глубокие мотивы. Ничего личного. Просто так надо.

В мире есть ряд конфликтов, где противоречия сторон исторически, философски, экзистенциально столь существенны, что разрешение их в рамках какой-либо политической философии, в рамках какой-либо долгосрочной стратегии взаимного мира и индивидуальной свободы, — в принципе невозможно. При безоговорочных проитиоворечиях стратегию мира и свободы невозможно навязать. 85 процентов евреев Израиля и столько же арабов Газы видят жизнь взаимоисключающим образом. Что-то похожее — между Индией и Пакистаном. Никакая «европейская» идея сделать общую жизнь лучше глубинные противоречия там не снимет. Поэтому придется довольствоваться узкими, ситуативными и тактическими решениями, далеко не все из которых рациональны с точки зрения стороннего либерального наблюдателя.

Даже в Европе ненависть при определении приоритетов общественной жизни берет верх над не то что над гуманностью, над элементарным разумом (Испания, Северная Ирландия, Балканы), и это несмотря на то, что свобода личности и интеграция единого эконо-

мического пространства признаются всеми как единственная гарантия развития и альтернатива массовому насилию. Любить ближнего и быть свободными людьми нельзя заставить принудительно ни кого-то в отдельности, ни народы в целом.

Но, иное дело, там, где конфликты еще только назревают, носят не фундаментальный, а многоплановый и «промежуточный» характер, где атмосфера еще не стала совершенно закрытой, — в таких ситуациях независимая мысль, наблюдение, рациональное вмешательство со стороны могут привнести свой очень необходимый позитивный импульс. Тем более — если конфликты не столько обостряются в силу своей внутренней природы, сколько раз за разом оказываются спровоцированы когортами амбициозного «начальства».

Именно такова ситуация на пространстве бывшего СССР: ощущается катастрофичность, но еще не все потеряно, еще можно выработать такой мирный и «европейский» план для всех, который бы ни у какого ответственно мыслящего человека и ни у одного государства не вызвал бы огульного отторжения. Еще можно выстроить «рамки консенсуса» для всего постсоветского пространства, основанные на ценностях уважения к личности и закону, и затем пытаться постепенно практически продвигаться в этом направлении. Это крайне трудная, но пока еще не безнадежная задача.

Или — без конца «вставать с колен» и нарываться на подножки, или выбрать путь развития, мирного и максимально сбалансированного, который не приведет в царство благоденствия, но даст серьезный шанс избежать новых исторических катастроф.

В 1990 г. Советский Союз и страны НАТО подписали в рамках ОБСЕ «Парижскую хартию для новой Европы», в которой ставилась стратегическая задача создания «большой Европы» от Ванкувера до Владивостока с тем, чтобы обеспечить реально доверительные и партнерские отношения всех суверенных субъектов этого связанного общими культурными корнями пространства в сферах прав личности, безопасности, экономики. Это был момент подготовки первой войны с Саддамом Хусейном, и тогда значение партнерства, доверия и единства политического подхода ощущалось очень остро лидерами всех ведущих стран. К сожалению, такой подход очень быстро был забыт. К нему можно вернуться, если только вернуть понимание стратегического смысла большого общеевропейского объединения и увидеть задачу такого объединения как неразрывность сферы безопасности и полноценного политического и экономического партнерства. Такое партнерство трудно достижимо, и его надо упорно формировать, стремясь и добиваясь установления общих базовых гуманитарных ценностей, а не имея в виду лишь тактические интересы бизнеса и чиновников.

Фото автора. Опубликовано на сайте «Europe's World» под названием «Overcome Lowlessness» и на сайте РОДП «ЯБЛОКО» в сентябре 2009 г.

ЧИТАЯ МАЙКЛА МАКФОЛА. НАБРОСОК СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕЦЕНЗИИ

Майкл Макфол давно известен и как исследователь политических процессов распада тоталитаризма, и как преподаватель в данной области академического знания, и как общественный деятель. Он как исследователь много занимался темой России и постсоветского пространства, а как общественный деятель активно выступал против практицизма и двуличия политики Джорджа Буша-младшего. При Бараке Обаме Макфол стал очень высокопоставленным правительственным чиновником, отвечающим за многие аспекты политического диалога США с Россией.

Последние годы он часто бывает в Москве, но как-то довольно закрыто. Узнать из первых рук, как строит свое мировоззрение и свою деятельность этот исследователь, преподаватель и влиятельный человек в американском государстве затруднительно. Поэтому, когда я увидел в магазине «Amazon» свежешедшую монографию Майкла Макфола, которая с американской прямоотой называется «Advancing Democracy Abroad» с подзаголовком «Why We Should and How We Can» (смягчим эту прямооту и назовем ее «Продвижение демократии по миру. Почему мы должны и как можем»), я вооружился некоторым авантюризмом и приобрел ее.

Забегая вперед, скажу, что, я полагаю, такое мое поведение было несколько нестандартным для американских книжных интернет-магазинов: книга нелегка для чтения и по стилю плохо стыкуется с неамериканским читателем.

Вообще, с назначением такой книги сразу для меня возникает большой вопрос. Скажем так, профессорские книги пишутся для того, чтобы их читали, причем возможно более широкий круг людей. Книги вождей пишутся, чтобы их не читали, но чтобы восхищались и вовремя могли использовать цитату. Эта книга — что-то среднее. Книга для своих, камерная, как бы заметки для знако-

мых, но — о самом глобальном. Как сделать мир лучше, как повсюду можно было поспособствовать демократии, но — не для мира и не для «повсюду», а для своих студентов и для ученого совета.

Книга разбита на 6 глав, не считая короткого предисловия.

В предисловии автор резко критически отзывается о методах внешней политики Джорджа Буша-младшего, которые с одной стороны состояли в импульсивном проталкивании американских тактических подходов повсюду, где это только было возможно, а с другой стороны — формировали у очень многих весьма негативный образ демократии как политического принципа и идеала. Автор задается вопросом более глубокой историко-философской и политической перспективы, чтобы защитить демократию, если угодно, оправдать ее, показать ее эффективность и перспективность в сегодняшней истории, побудить преодолеть разочарование. Но при этом важнейший полемический заряд остается как бы погребенным под довольно бесцветными формулами академической публицистики и сумбурностью примеров.

Первую главу автор посвящает анализу программных заявлений Дж. Буша 2003–2004 годов о распространении в мире политической свободы, справедливо обращая внимание на узость и схематичность подходов американской политики того периода, на их историческую противоречивость. Приводятся данные опросов американцев, которые показывают, что они мало верят в демократию по Бушу. Приводится запоминающийся полемический пример 2006 года, когда Буш в Санкт-Петербурге сделал довольно объемное заявление о желании, чтобы повсюду в мире была свобода и демократия, а Владимир Путин немедленно парировал совершенно очевидным образом, что он не желал бы, чтобы в России стало так, как в Ираке. Автор отмечает, что на этот период в мире пришлось очень противоречивые явления, а именно — одновременно — существенные демократические перемены в Пакистане и Либерии, «цветные революции» в ряде стран бывшего СССР, относительные либеральные пробразования «сверху» в ряде арабских и южноазиатских стран с традиционно авторитарным укладом и резкий откат от демократии во многих политически ключевых странах мира, включая Россию. И добавляет — и это наблюдение одно много стоит — что в Египте и Иране сторонники демократических реформ стали считать себе за помеху, если их взгляды воспринимались как сходные с позицией американской администрации и, шире, вообще с американскими взглядами. Далее следует анализ и обсуждение многообразия взглядов и высказываний американских деятелей о том, как Соединенным Штатам следует рассматривать контекст установления и развития демократии в недемократическом мире, от самых общих соображений до конкретных советов тех или иных исследователей и публицистов о том, как надо бы ло бы себя вести «будущему президенту» по отноше-

нию к той или иной стране и тому или иному руководителю авторитарного режима. На мой взгляд, излагаются довольно отрывочные, не очень хорошо стыкующиеся фрагменты, чья актуальность сомнительна. Потом идет попытка исторического анализа, которая в своей краткости и одновременно насыщенности именами и терминами трансформируется в прямо-таки смысловые перскоки: от Вудро Вильсона как бы прямо к Биллу Клинтону и Борису Ельцину. Подзаголовки настраивают читателя на весьма серьезный лад, но текст, к сожалению, слишком краток для политико-философских тем, да и сумбурен.

Во второй главе автор решает очень нелегкую задачу, — кратко, но достаточно глубоко дать определение демократии применительно к практическому пониманию обычных людей и «практиков» общественных процессов. Серьезно и ответственно преподавать банальности — трудная и неблагоприятная деятельность. Можно сказать, что Макфол подошел к ней с правильной стороны, он старается в самом банальном найти оириганльное и неординарное. Он подчеркивает существующие противоречия, а не уходит от них. К сожалению, монотонный и очень быстрый стиль изложения ослабляют возможность восприятия, снижают убедительность и оставляют в итоге осадок именно банальности, а не публицистической новизны материала. Сам материал и автор заслужили совсем иного, но это вопрос стиля, умения через текст отразить тот масштаб проблемы, который ты хочешь отразить. Из-за стиля задача оказывается, пожалуй, нерешенной, подход мельчает, не соответствует своему масштабу. И это жаль. Будь все написано масштабнее, привлекательность для чтения и убедительность была бы куда больше.

В последующих главах много текста посвящено примерам из недавнего прошлого. Это важные и существенные примеры. К сожалению, в таком их обилии в моем восприятии есть эффект «подготовки ко вчерашним войнам». Уровень материала был бы гораздо выше, если бы автор сделал попытку анализа, имеющего хотя бы минимально серьезное прогностическое значение. Такой анализ должен быть основан на дифференцировке политико-социальных особенностей разных стран и культур. Глубокая аналитика должна быть гораздо шире характеристик режимов, перечисления событий и оценок персоналий. Чтобы уровень такой работы более соответствовал задаче, которую перед собой ставит автор, он должен быть избавлен от обязательств «политкорректности» как по отношению к правительствам и политикам демократических государств, так и по отношению к НПО. Он должен честно коснуться в корне противоречащих продвижению демократии современных аспектов феноменов реальной политики в Европе и «Human rights business». Крайне плохо для демократии в мире, когда именно институты развитых демократических обществ рабо-

тают формально, проявляют неуважение к гражданам стран, страдающих от авторитаризма. Первое, что необходимо для продвижения демократии по миру — это, чтобы она перестала быть масштабно дискредитируема. И дело здесь не только в США и их президентах, ответственность лежит гораздо шире.

Важно, что автор страется дать ответ на вопрос о лидерстве демократических преобразований, о соотношении эволюционного и революционного вариантов. Именно на эти темы уместны его многочисленные примеры из недавней истории.

Книга оставляет двойственное впечатление. Местами она очень интересная, но в целом неровная и не имеет того общего «лица», которое соответствовало бы самым точно подобранным и интересным фрагментам.

Не могу не удержаться от того, чтобы определить книгу как попытку объяснить американскому читателю, что свобода лучше, чем несвобода. Боюсь, что ее влияние в этом плане ограничено, американцы мало о ней узнали и мало ознакомились, и каждый остался при своем. Будь книга написана и скомпанована более основательно, ее заметность и влияние молги бы быть чуть больше.

Было бы полезно, чтобы она была переведена на русский язык. Во-первых, в ней есть интересное и продуктивное политико-философское содержание, совершенно неочевидное многим русскоязычным читателям. А, во-вторых, взгляд на такую книгу позволит в наших управляющих структурах исреди общественности формировать более реалистичное и трезвое представление о политико-философском потенциале американских политических кругов, видеть их естественную ограниченность и по намерениям, и по возможностям. Впрочем, история со времени выхода книги год назад уже «убежала» так далеко вперед, что многие фрагменты надо было бы переписывать заново.

Местами книга выглядит как проявление школярства. Но даже в таких фрагментах масштаб значительный. В сравнении с доморощенной российской «политологией» выигрывает. Как-никак, у нас все время «Волга впадает в Каспийское море». А здесь и Ганг, и Хуань Цзы, и Амазонка, и Нил, и все куда-то очнь точно впадают.

Очень хорошо, что написано что-то с целью привлечь внимание к проблемам человечности в политике, к человеческим ценностям, а не сугубо абстрактным «вопросам США и всего остального мира», хотя реализация выглядит не такой, как хотелось бы. Боюсь, что добросовесному читателю нелегко прочитать ее от начала и до конца. И это убавляет ее ценность, особенно, если речь идет об аудитории начинающих политических мыслителей.

Несмотря на всю мою некоторую иронию, я желаю Майклу успеха. Неудобоваримость его литературного труда напрямую связана с тем прокурстовым ложем, в которое он загнан рамками американской академической политологии. Будь я на его месте, у

меня здравого смысла, наверное, было бы меньше, а самоуверенности и зазнайства больше.

Книга на обозначенную Майклом Макфолом тему должна быть достаточно полной по содержанию, этически принципиальной и в то же время тактичной, деликатной по тону, с учетом того, где и кто может ее читать и использовать в самых разных целях. В такой книге вовсе не обязательно бряцать сиюминутными знаниями деталей номенклатур авторитарных государств, но совершенно необходимо преподавать читателю своего рода политическое страноведение, умение чувствовать атмосферу уголков мира, где он никогда не был и, скорее всего, не будет, умение самостоятельно мыслить о том, как и куда можно и нужно изменит мир. Тогда у читателя, да и у автора, может быть, что-нибудь получится.

С частью задач Майкл Макфол смог справиться.

**Опубликовано на сайте РОДП «ЯБЛОКО»
и в Интернет-издании «Релга.ру» в мае — июне 2011 г.**

ПОЛИТИКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТВЕТСТВЕННЫМИ И ЕМКИМИ В ОЦЕНКАХ

бычные граждане, общественные активисты вправе не анализировать всесторонне те или иные события, а просто эмоционально выдавать ту или иную реакцию, в том числе и публично. Политики не имеют такого права, они всегда — даже если влияние формально незначительно — отвечают за последствия своих слов и действий.

Поэтому вызывает озабоченность то, с какой хлесткостью некоторые либералы, в чьей искренности и честности нет оснований сомневаться, берутся односторонне комментировать сложные коллизии, от которых они далеки.

Крайности инспирируют маргиналы или же абстрактно и безответственно мыслящие люди, которые видят только самих себя, а последствия потом расхлебывать приходится всем без исключения.

Если в обществе устоялась традиция открытости, верховенства закона и демократической процедуры, то от крайностей есть значительный — хотя вовсе не абсолютный — иммунитет. Действует социально-психологическая «подушка», которая принимает на себя большинство адресованных обществу сигналов. Это бесконечные дискуссии, бюрократические разъяснения, длиннющие судебные процессы, — все то, от чего подчас так тошнит, глядя на реальную демократию. В таких условиях демонстрации, выставки, флеш-мобы и даже куда как более серьезные и очень спорные вещи становятся лишь частью жизни, действительно по принципу «хочешь — смотри, хочешь — не смотри, хочешь — принимай, хочешь — не принимай». И от того, что кто-то допустил эстетическое кощунство, а кто-то провел ксенофобскую или какую-то еще демонстрацию общее настроение мало изменится, а люди, которые по какому-то серьезному вопросу сегодня конфликтно разошлись, завтра станут союзниками в другом вопросе. Это может быть ме-

щанство, обывательщина, но это и тот самый гражданский мир в открытом демократическом обществе, которого нам очень не хватает и которым надо дорожить, который надо было бы упорно созидать.

В условиях авторитарного режима из публичной вульгарности легко и быстро возникает общественная проблема. Общественная не в том смысле, что ею интересуется количественно значительная часть людей (большинство до поры-времени занято совсем другим и попросту послушно власти), а в том, что очень небольшая прослойка людей, сохраняющих гражданскую, общественную, политическую активность, начинает невольно увлекаться скандальностью и вульгарностью, принимая ее за независимость и смелость. Вульгарность власти не вызывает у них симпатии и поддержки, а здесь — оппозиция, смелость. Уровень такой оппозиции оказывается очень низким. Вместо того, чтобы упорно и мужественно искать способы преобразования страны и защиты «униженных и оскорбленных» она начинает увлекаться скандалом как самоцелью, любоваться собой. Поведение такой оппозиции на человеческом уровне становится мало отличимым от поведения авторитарной власти, разница лишь в векторе заявлений и уровне реального влияния. Да, власть мстит, и для оппозиционных скандалистов бывают последствия. Но, если однажды все вдруг перевернется, то они сами (если не лично, то их среда, их способ мышления, те, кто к ним быстро примажутся) организуют последствия отнюдь уже кому-то другому отнюдь не слабее. А авторитарные режимы в силу своей духовной и интеллектуальной беспомощности таят в себе зародыш переворота всей ситуации на 180 градусов, к чему раз подталкивают оппозиционные маргиналы, хотят они того или не хотят.

У магинальных форм протеста всегда найдутся основания: милиция всюду «тромбует» людей, те или другие «достали» и т.п. Но что вы делаете сами и какого результата вы добиваетесь?

Похожим испещрен XX-й век. Не хочется, чтобы нас вновь всеерьез задели большие потрясения, которые возникают из маргинального славолубия, бескультурья и мелочной агрессивности.

Перед Россией издавна, а особенно в результате непреодолимого отпечатка большевизма и сталинизма, стоит вопрос формирования общества, когда каждый остается сам собой, но при этом, если не все, то большинство, способны на солидарность и мирные отношения друг с другом. Требуется преодоление духа субкультур, которые существуют как бы в параллельных мирах и при соприкосновении между собой максимум, на что способны в плане «мирного настроя» — это на полное безразличие друг к другу, а скорее всего, дай им волю, будут иррационально проявлять постоянную мелочную агрессивность. На наших глазах эта же пробле-

ма возвращается на Запад, распространяется по всему миру. Универсально требуется отказ от всепоглощающего индивидуализма при сохранении индивидуальности. Эту проблему не может решить ставшая во многом формой без содержания западная политкорректность. Но тем более в России нельзя подходить к проблемам демагогически, и будь то со стороны власти, или со стороны оппозиции, требуется уважение к содержанию проблем и ответственность.

**Доработано для настоящего издания
после публикации на сайте РОДП «ЯБЛОКО»
и в «Новой газете» в августе 2010 г.**

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ И НАБРОСКИ 2007–2010 гг.

5.10.2007 г.

В

«холодной войне» информационное общество победило пропагандистское. Сейчас при абсолютном избытке информации информационного общества не стало. К информации идиосонкразия. Сегодняшний «пост-пост-модернизм» состоит в насмешливо-отстраненном отношении к морали и — к информации. Мнение может быть вообще не связано с действительностью, причем осознанно: к действительности нет интереса и есть уверенность, что она формируема в мере, лосчаточной для того, чтобы тот, кто этим занимается, испытывал ощущение безопасности от этого процесса формирования действительности. Демагогия вновь становится исключительно важным фактором. В сегодняшнем «постинформационном» обществе манипулировать большинством может оказаться почти также легко, как в полуграмотном квартале середины XX-го века. (Очень существенные, но лишь частные примеры тому — Чечня и Ирак).

28.06.2008 г. – 21.08.2011 г.

У нравственной жизни есть два крыла: дисциплинарно-охранительное и креативное. Второе без первого превращается в суету и измену принципам, первое без второго — в глубинный провинциализм, мракобесие. По множеству причин, духовная энергия Великороссии, самые сильные по мощности ее проявления в народном духе, имели и имеют опасное тяготение к крену в сторону дисциплинарно-охранительного начала, которые почитали использовали личную отвагу и силу воли (бунты — явление того же рода, в них важна дисциплина и отвага, а не трезвое движение к свободе в свою меру). Отсюда соблазнительная скучность и бесцветность русской традиции, ее жесткость и циничность, бесплодность во многих созидательных смыслах этого слова. Отсюда же и прадоксальный

на первый взгляд хаос, беспорядок, крайний индивидуализм «русской души», столь часто наблюдаемые конформизм поведения и идиосинкразия к мысли. (Как отмечал Г.П. Федотов, максимализм всегда обрачивается минимализмом.)

Весьма крайний индивидуализм может процветать под прикрытием коллективистской риторики. В истории «ядра» русской территории ритуалы почтения в адрес так или иначе понимаемого общества были главным образом лишь прикрытием нежелания диалога, индивидуализма быта и мысли. История «ядра» России — это бесконечный процесс формирования множества субкультур, ментальных сословий, терзающих друг друга подчас даже против собственной воли. Консерваторы, либералы, новаторы и протестанты в церковной среде, монархисты, либералы, народники, патриоты и западники в политике и искусстве и т.д., — они создавали исключительное многоголосье, но им не было дано формировать общество, где люди слышат друг друга, слишком многие жили в своей хате скраю от остальных и считали ее во всем самой красивой. В каждом из ментальных сословий слишком большой считалась цена ошибки, чтобы разрешить себе хоть чуть-чуть выйти за его пределы. У многих сложилось горячее желание преодолеть такое положение вещей (вспомним земское движение, образы русских конституционных демократов или церковный собор 1917—1918 гг.), но этому желанию не было суждено сбыться. Традицией субкультур на сто процентов воспользовался Сталин, который превратил в субкультуру все, что еще могло двигаться: каждый живет в своей келье, со своей функцией, и всё, — за нарушение — необозримые кары. И ощущение цены ошибки стало выходящим за все человеческие пределы. Общество — это путь проб и ошибок, исправления, совершенствования, прощения. Конгломерат субкультур — это постоянная жизнь среди смертельных опасностей и жизнь среди врагов, это кара и, в том или ином смысле, выпадение из жизни за «допущенную ошибку».

28.06.2008 г.

В России никогда не было среднего класса в «общеевропейском» понимании. Зато со времени Екатерины Второй был поощряемый слой независимых интеллектуалов, призванных оказывать влияние на общество и на власть. Отсюда выросла «интеллигенция»: люди правые, левые, центристы, но — с широким образованием и кругозором, активно и независимо мыслящие, ощущающие призвание и ответственность влиять на судьбу общества. Этот слой активно использовала, поработила советская власть. Но она его не уничтожила как слой. Сила творческого языка и творческий кругозор не атрибутировались чиновникам, и они на это не претендовали. Их дело было жестко контролировать. Сейчас чинов-

ник стал не контролером, а владельцем слова, он наряду формирует массовую ментальность. То, что он раньше делал через Шолохова, Федина, Чаковского, теперь делает сам. В условиях такого феномена нам предстоит существовать. Такое положение дел вовсе не означает, что оно катастрофично для творчества и независимой мысли и что оно хуже той перспективы, которая в этом плане вырисовывалась при советской власти. Просто это положение вещей требует своего существенно нового осмысления. Конформизм в силу многих причин издавна был и остается «национальной чертой» Великороссии. Создающаяся ситуация отсутствия среднего класса при исчезновении интеллигенции не способствует изменению такого положения.

29.06.2008 г.

В существующей организации нашего общества многоголосье не предусматривается не только административно, внутри подсознательно работают самозащитные охранительные механизмы массовой психологии. Массовое сознание «знает» или боится, что не найдет в себе чувства меры, чтобы в условиях законного плюрализма политических мнений не впасть в крайность brutальной анархии мысли и решений вместо сегодняшнего brutального единообразия, иногда крайним бездушием защищает себя от реальных и мнимых угроз.

30.06.2008 г.

Результатом тотального духовного отравления окружающего мира стала катакомба или полу-катакомба, подпольное существование души. Такой способ существования в какой-то степени представляет собой защиту правды и свободы от греха и насилия окружающего мира, но одновременно это среда, создающая маргинализирующую человеческую душу охранительную дисциплину, делает акцент на воспитании поведения и поведенческих правил вместо построения «линии человеческой души». Двойная жизнь, будь то в катакомбе, полу-катакомбе или во вполне официальной тоталитарной среде воспитывает поведение, но не развивает душу. Результатом может оказаться крайнее бездушие.

19.08.2008 г.

Нашел в Интернете (комментарий Я. Кротова): «политика агрессивного изоляционизма» и «политика передразнивания».

19.08.2008 г.

Интеллектуалам свойственно в других видеть тоже интеллектуалов, в том числе и целые народы.

13.02.2009 г. (об отношениях России и США)

Для России и США не годится партнерство «по случаю», как это было с середины 90-х годов и остается до сего времени, это путь к высокой вероятности абсолютно бессмысленного стратегического проитимвостояния и конфликта. Необходима стратегия и политика настоящих, полноценных союзнических и дружественных отношений (что вовсе не означает постоянного согласия друг с другом во всем). А для этого России необходимо изменить курс и стиль своей политики не меньше, чем президент США ставит своей задачей изменить курс и стиль политики своей страны.

27.12.2009 г. (о сталинизме)

Могу посмотреть на происходящее вот с какого ракурса. Сталинизм — это не жертвы в первую очередь, жертвы — это результат. Сталинизм — это возведенный в личный культ каждого человека антидемократизм, тотальная диктатура самоутверждения. Все вокруг самоутверждающихся «лидеров» мелко-чиновнического склада определено жлобским ранжиром, кто имеет право на мнение и суждение, а кто нет, и это независимо от того, какое направление лозунгов данные «лидеры» представляют. Парадоксально, именно такой тип взаимоотношений становится доминирующим как раз сейчас, он «пророс» из сталинского времени, когда так и не смог стать всеобщим. А сейчас — может.

27.12.2009 г.

(о российской политической диспозиции)

Россия сейчас хочет быть одновременно как Советский Союз, США, Европа и еще что-то отдельное и особое, что в целом формирует очень психологически странный и провинциальный феномен.

Если что сегодняшняя Россия унаследовала в плане «констант ментальности» от времени до 1917 г., так это провинциализм и выпренность выражения некоторых сословий, доведя это до вздора.

6.01.2010 г. (о ролевых играх)

В Москве отношения между людьми за последние 20 лет приобрели почти обязательную «четвертую стену», это почти всегда ролевая игра, некоторое «кривляние», скрытое выяснение, кто главный. Такого в столь вульгарной форме не было в советское время. Была жесткая формальная иерархия, очень жесткие правила, но люди не занимались постоянным «позиционированием», «знаковой политикой» все между собой. Тотальное бандитство с этими всеми неформальными прибабками проявилось где-то году в 1984.

6.01.2010 г.

В мире «главнее» тот, кто заплатил, а у нас — тот, кому заплатили. Поэтому артист учит жить зрителей, а футболист — болельщиков, а менеджер торгового зала хамит покупателям, даже теряя на выручке.

6.01.2010 г.

У нас есть две партии: провинциально-социалистическая и периферийно-каптуалистическая.

06.01.2010 г. (о миссии «ЯБЛОКА»)

Политика — это агитация, распространение взглядов, иногда «миссионерство». Диссидентство — это другая задача, не предполагающая агитации борьбы, прогноза, это исповедничество, хранение себя и окружающих от лжи, это задача думать правду, говорить правду и при этом минимально навредить. Это уход в себя и внутрь своей общины, когда другого способа не лицемерить не существует. Подходы противоположны.

Политик привлекает к себе, агитирует в толпах. Диссидент не стесняется к себе привлечь, но, наоборот, испытывает приходящих и с полным пониманием относится к тому, что быть рядом с ним небезопасно и бесполезно с практической точки зрения.

Парадокс в том, что такой общности как «ЯБЛОКО» в нынешних условиях следует сочетать и то, и другое.

25.01.2010 г.

РФ вряд ли распадется по «схеме» Российской империи и СССР, на отчетливые политические фрагменты. От этого ее защищает вопиющая провинциальность. Распад империи и СССР — результат их несоответствия той сверхзадаче, которую их «политические элиты» ставили перед ними. РФ — структура, не имеющая сверхзадачи, охранительная, и грозит ей другое и гораздо исторически худшее: превращение в «несостоявшееся государство». Провинциальность — это такой феномен, который в принципе не преодолим усилиями «снизу». Это такая устойчивая массовая субкультура, когда весь мир ограничен только собственным стереотипом существования. Для преодоления провинциальности, выживания за счет самоизоляции, непременно нужны лидерские усилия кого-то из тех, кто уже оказался «наверху». Это трагический замкнутый круг, но история знает много примеров прорывов из таких ситуаций.

Опубликовано в Интернет-издании «Релга.ру» в июле 2011 г.